

УБОГИЕ АТЕИСТЫ

Дарья Близнюк

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дарья Близнюк
Убогие атеисты

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Близнюк Д.

Убогие атеисты / Д. Близнюк — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Богемное общество раскалывается на две враждующие группировки. Одна из них пропагандирует жизнь как искусство, другая прославляет извращение и вандализм. Но чем обернется их противостояние? И кто из них одержит победу в войне за общественное признание? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	5
Гот	5
Чмо	7
Фитоняша	8
Объёмные смыслы	9
Слёзки	10
Ваза	11
Самопитие	13
Кака	14
Интерсекс	16
Аватарка	17
Боги	18
Любовь без правил	19
Крыса	20
Библиотека	22
Драка	23
Задыхаясь в комнате, полной воздуха	25
Подарок	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дарья Близнюк

Убогие атеисты

Часть 1

Гот

Из окна видно небо цвета голубя. На полу валяются пенопластовые лотки, заполненные тюбиками краски, кистями и прочим художеским барахлом. В центре комнатного параллелепипеда мебели нет, лишь стоит мольберт, похожий на заглавную букву «А». Напротив него сидит парень в растянутом, но оттого не менее уютном кардигане. Его волосы цвета крысиной шерсти доверчиво опускаются на плечи, зная, что хозяин не побеспокоит ни одной пряди на всем протяжении молчаливой игры в гляделки.

Его визави – пугающая картина, на которой изображён в профиль лысый человек. Из его рта вырывается клубящийся поток чёрного дыма, а глаза широко распахнуты, как двери во время проветривания, и пусты. Если долго пялиться на этого страдальца, то такое понятие как «жуть» станет таким же явным и стойким ощущением, как запах пота после изнурительной тренировки в спортзале. Но парень не спешит разворачивать холст к стене, поскольку самолично вынул его из своей души. Более того, он нарочно не отводит взгляда. Он заставляет себя любоваться густыми чернилами до тех пор, пока не освобождаются слёзные железы. Для него подобные обряды играют роль терапевтических и крайне эффективных сеансов.

Внезапно в комнату пробирается бесшумный посетитель. Он опускается на пол рядом с парнем-крысой и бесцеремонно рушит ауру духовного очищения.

– Что на этот раз? – спрашивает голосом Синьора Помидора из мультика про Чиполино.

– Отчаяние, – угрюмо отвечает художник.

– Похоже, – звонко голосит гость, обращая взгляд на картину. – Слушай, Гот, а ты не мог бы оценить мой новый стих? – небрежно сводит тему, обнажая истинную цель визита.

– Не мог бы, – коротко буркает Гот, раздражённый тем, что его отвлекли на самом пике освобождения. Это досаднее прерывания полового акта.

– Ну почему ты постоянно такой бука? Нельзя быть хотя бы чуточку приветливее? – игриво надувает губки. – У меня ведь начнётся печалька из-за твоего грубого отказа, – опускает бровки Помидор.

– А у меня из-за твоего наглого вторжения. Про личные границы слышал? Нельзя было хотя бы постучать, чтобы не заставить меня врасплох? – оскорбляется Гот.

– Ну, прости, – паренёк, ни капельки не обижаясь, бодает Гота в плечо. – У меня хорошие стихи. Тебе понравятся! – заверяет он.

– Раз ты знаешь, что они хорошие, зачем мне их оценивать? – хмыкает парень, убирая волосы назад.

– Ну как же? – растерянно моргает невостребованный поэт.

– Ладно, валяй, – равнодушно соглашается Гот.

– Уии! Спасибо! Ты лучший! – радуется писака, кляня друга трубочкой губ в холодную меловую щёку. Готу приходится недовольно отстранить любвеобильного молодца.

– Опять ты ведёшь себя, как гомик, – ворчит он.

– Как обаяшка, – поправляет приятеля молодец.

– Читай уже – быстрее закончим, – обречённо вздыхает Гот, и обаяшка достаёт телефон, пару раз тыкает на сенсор и принимается тихо тараторить, сжёвывая слова и глотая окончания.

– Целиться в губы и целовать их, – быстро вдыхает. – Долго искать кружевное платье, – кушает букву «е». – После рябинового заката, – на губах уже собирается плёнка слюны. – Видеть смешные сны...

– Всё-всё. Я понял, что красиво, – останавливает его Гот. – Теперь можешь помучить кого-нибудь другого. К примеру, своего медведя, – советует он и ведёт бровью на дверь.

– Ах, как невежливо! Ты нетерпелив и...

– Я знаю, Чмо. Теперь гуляй. Свободен, – повторяет общительная личность, и Чмо удаляется из пустого параллелепипеда, заполненного отчаянием.

Чмо

Чмо огорчённо волочится по коридору, словно привидение. Вечно Гот выгоняет его из своей комнаты, будто он ему какой-нибудь младший брат. А стихи, между прочим, нежные написаны! Зря их игнорируют.

Впрочем, Чмо не обижается. Он лояльно относится к скупости художника. Не любопытствует и не ковыряет его ледяной панцирь. Чмо всегда улыбается и сюсюкается с друзьями.

– Кому чмоки-чмоки-чмоки в щёки-щёки-щёки? – ванильно спрашивает он перед тем, как набрасывается со своей любовью на несчастных милашек.

За эту коронную фразочку его, собственно, и прозвали «Чмок», но последняя буква почему-то быстро исчезла из очаровательной клички, и осталось сокращённое «Чмо».

Чмо прокрадывается в свою уютную коморку, светлую, с персиковыми обоями. В уголке его ожидает двухметровый склонивший голову набок мишутка по имени Матвей. У него бежевая шёрстка, вышитое на груди сердечко и дружелюбная мордашка. Про себя Чмо называет сие место «медвежий угол». Часто парнишка удобно устраивается в лапах плюшевого гиганта и записывает не связанные между собой строчки, пока не засыпает. Во сне он особенно сильно походит на невинного ангелка. Мало того что причёска у него в точности, как у фарфоровых ангелочков – те же светло-русые кудри, так ещё и личико разглаживается в безмятежном покое.

Чмо, как всегда, прыгает в объятия Матвейки и задумывается над новым стихотворением. Ему хочется чего-то образного и мимишного, но в то же время тёплого, приятного. Чего-то лиричного, но яркого, искрящегося. Чмо считает, что стихотворение должно быть таким, чтобы каждая строка в отдельности была произведением искусства. Чтобы, если бросить им в окно, то стекло разобьётся, но сердце – склеится.

Для достижения этой цели Чмо уже второй год работает над циклом стихов «Love is...». Более того, он коллекционирует фантики от этой жевательной резинки. Сами жевательки, будь они со вкусом банана и клубники или лимона и вишни, постоянно заваливают многочисленные вазочки, стоящие на столе, а вот фантики с милыми афоризмами парнишка бережно наклеивает на персиковые обои. Получается славный стенд. Вдохновляющий. Подстёгивающий к работе.

Впрочем, работой поэзию не назовёшь, поскольку дело это не оплачиваемое, а оплакиваемое, но тем не менее она требует скрупулёзного труда и креативного мышления. Чмо, конечно, посвятил годы жизни технике и оттачиванию навыков, но сухой теоретически грамотный текст всегда его удручал.

Как-то раз Гот придумал хорошую метафору.

– Я тебя понимаю, – сказал он. – Техническое стихотворение, лишённое эмоций, такое же бездушное, как чертёж. Каждое слово мертво, точно выверено по линейке. Никаких волн, никакой плавности, никакого отражения, – заключил он, и Чмо согласился.

В поисках вдохновения Чмо любит сизым небом и, наконец, рождает:

– Армия Капитошек прыгает на асфальт, – специально для Матвейки диктует Чмо голосом Синьора Помидора из мультика про Чиполино.

Но мешает сосредоточиться стук каблучков из соседнего зала. Навязчивый. Хлесткий. Объёмный. Подхватываемый и разносимый эхом. Но в то же время по-своему привлекательный и обворожительный. Ритмичный.

Чмо ещё немного вслушивается в него, а затем находит в хаосе звуков едва различимую закономерность и записывает стихи под диктовку каблучков.

Фитоняша

В зале, специально оборудованным для репетиций, танцует девушка. Её упругие ноги обтягивают красные, блестящие, как кожа морского котика, леггинсы, а топ открывает стройный подтянутый живот. Ажурное кружево её волос размётано по плечам. Разогретое тело сообщает своей хозяйке об усталости приятной пульсацией. Изящные запястья совершают плавные вращения, бёдра двигаются в постоянном покачивании, а руки образуют резкие прямые углы. Танцовщица удивительным образом сочетает квадратные формы с грациозными овальными линиями. Она быстро перемещается по паркету и любит своё отражение в зеркале, полностью закрывшем стену. Вот её зеркальная копия грациозной кошачьей походкой движется навстречу, вот падает на пол, запрокидывая ногу вверх...

Но вскоре девушка утомляется и усаживается на лавку. Переводит дух. Верхняя губа её не прогибается, а, наоборот, образует чувственный заострённый холмик. Прямоугольное скуластое лицо украшено жемчужинами пота. Красотка удовлетворённо разглядывает себя и произносит:

– Я боженственна.

Затем вынимает откуда-то фотографию, на которой запечатлена она же, лежащая на кожаном диване нагишом. Её аппетитная бразильская попа дразнит камеру, а спина прогибается, точно линия, какой дети изображают волны, рисуя море. Девушка смущённо смеётся и лукаво смотрит в объектив. И глаза её искрятся, как серебристые бенгальские огни.

– Особенно на фотографиях, – добавляет завороченная бестия.

Она буквально пробуравливает карточку взглядом, впивается в каждую выпуклость тела, и веки томно прикрываются, а голова тянется к плечу.

Ах, какое же она налитое яблочко! Какая молодая тугая самка! А всё благодаря её чопорному образу жизни: правильному взвешенному питанию, занятиям фитнесом, гимнастикой и танцами. Она чистокровная фитоняша, и никто не смеет упрекнуть её в фальши.

Фитоняша настолько приблизилась к идеалу, что поневоле влюбилась в саму себя. Она часами залипает на сделанные нюдсы, вождедея и истекая любовным сиропом. Она фетишизирует свои фотографии, развешивая их где попало. Хранит целую пачку под подушкой и ещё несколько под ковриком в туалете. Она представляет, что девушка с фотографий – какая-то другая особа, её кумирша и богиня. Мысленно она разговаривает с ней и называет её Фитоняшей.

Но плоский мир 2D жесток, и бедняжке приходится выстраивать баррикады лжи и иллюзий, чтобы гордиться своей лучшей подругой. Чтобы знать, что она реальна. Что их любовь не односторонняя. Но отчего-то эта любовь вызывает мучения, словно ты смотришь на сочный фрукт с капелькой на боку, но не можешь его съесть. Словно ты постоянно подавляешь плотские желания, как юный монах в расцвете сил.

И единственный способ забыться, очистить ум и отдохнуть от изнеможения – Vogue. Танец, зародившийся в Нью-Йорке в шестидесятых годах. Танец, позволяющий почувствовать себя моделью. Танец, шокирующий вычурностью и позёрством. Танец-фейерверк. Танец-взрывчатка. Танец-вызов. Танец-бунт.

Руки Фитоняши умеют превращаться в бабочку, сама она призвана ходить на полупальцах, и рисует она собственным телом. И творчество её живое, эксклюзивное, не подлежащее фиксации. Но живёт девушка в жалкой квартирке а-ля социальный наём с двумя худосочными мальчуганами, помешанными на картинках и стишках. И при абсолютно не совпадающих характерах их троица умудряется сосуществовать и даже общаться. И возвышенно величать себя богемой.

Объёмные смыслы

Тыквенно-рыжий свет фонаря падает под ноги Гота. До его ушей доносится далёкое карканье ворон. Ветер качает ржавые качели, и те скрипят. Фальшивят. Явно, что этот уличный инструмент не настраивал никто. Плечи Гота укрывает неизменный растянутый кардиган. Можно подумать, что родился он не в рубашке, а в этом самом кардигане. Лицо Гота цвета черепа, а глаза цвета страха и смятения. Гот чувствует, что опустошается. Что исчерпывает ресурс. Внутри не остаётся никаких эмоций – все на холстах. Готу жутко, что его руки замолчат. Их уже сейчас засасывают карманы. Карманы глотают их, не жуя. И в мягкой полости рта в целом тепло, покойно. Гот понимает, что ему необходимо создать новую серию. Найти что-то изысканное. Пикантное. Уродливое. Гот смотрит в глянцевую поверхность лужи и видит палки своих ног. Отражение словно продолжает их, и возникает ощущение, что Гот стоит на ходулях. Но стоит он на грани.

Ему нужна серия.

Нужна идея.

Гот смотрит в лужу и видит палки своих ног, до чёртиков похожие на букву «Н». Ноги. Вот она – идея. Вот он – объёмный смысл. Гот напишет целую коллекцию объёмных смыслов. Его картины будут говорить сами за себя. Сердце Гота загорается интересом. Страсть освещает его, как рыжий фонарь кусок асфальта.

Гот возвращается домой. Разувается в тесной прихожей. Проходит в свою комнату мимо Фитоняши, которая склоняется над принтером, распечатывая новую дозу фоток. Этот принтер – самая серьёзная их покупка. Самая роскошная вещь в домишке, помимо Матвея, холодильника, добытого на помойке, и матрасов, подаренных кем-то из прошлой жизни.

Гот проходит в свою комнату и подбирает с пола блокнот. Зарисовывает в нём эскизы. Изображает голову, играющую роль буквы «О» в слове «голова». Изображает ноги, по совместительству являющиеся буквой «Н» в слове «Ноги». Получается весьма тяжеловесно. Загружено. Но то лакомая монолитность. Она изящно приковывает внимание. Гот примеряется и переносит человека на картонку покрупнее.

Забавно, человек этот плоский, а смысл его объёмный. Полная противоположность Готу.

Гот пристально буравит взглядом свою поделку. Чего-то не хватает. Гот помогает плоскому человеку закричать. Гот окружает чёрное отверстие глотки буквами «Р» и «Т». Теперь всё становится на свои места.

Слёзки

Чмо считает вольный нищевродский образ жизни более престижным. Он до сих пор находится в «свободном плавании» и не жалеет об этом. Уверенность и стабильность – это не про него. Чмо относит себя к романтикам, которым нельзя ампутировать крылышки скучными обязанностями. Ещё в школе Чмо называл кружочки Эйлера кружочками адика. К ним он присоединял и всевозможные кружки, и секции. В общем, собаки в цирке владеют математикой лучше него.

Чмо любит пельмешками облаков и сочиняет стихи.

– Хочу написать осязаемые слова, – тоненьким голоском чеканит он. – Которые смогут упавших поцеловать... – после минутной паузы продолжает романтик.

Но вдруг слышит женский высокочастотный крик, перетекающий в писк. В нём ясно различаются безумие и некая жадность. Неверие и протест. Отказ принимать действительность.

Чмо поднимается на ножки и робко выглядывает за дверку. Его глазки спотыкаются о Фитоняшу, ревушую над чёрной коробочкой принтера.

– Что такое? – морщась от ужасёнка спрашивает Чмо.

– Краска! Кончилась моя краска! – трясётся девушка, лихорадочно продолжая жать на кнопку «печать». Также жмут на кнопку лифта, полагая, что транспорт явится к ним быстрее.

– Но ведь мы совсем недавно купили эту штучку, – ошеломлённо возражает Чмо.

– Недавно?! По-твоему, четыре месяца – это недавно? – взрывается девушка, обливаясь горькими слёзками.

– Ну, можно пока обойтись без принтера, – предлагает парнишка.

– Что?! Ты вообще в своём уме?! Как же мне тогда встретиться с Фотоняшей? Я бы на тебя посмотрела, если бы тебя разлучили с любимой девчонкой! – всхлипывает танцовщица.

– Но у тебя и так полно её фоток, – замечает Чмо.

– Это не то! – взвизгивает Фитоняша так, что у её глаз собираются морщинки.

Она похожа на трёхлетнюю капризульку в магазине игрушек. Её крики доканывают и Гота. Он недовольно приближается к месту ЧП. Его веки красные и опухшие, словно ему только что разбили сердечко.

– Что за вопли? – глухо спрашивает он, шмыгая носиком.

– Выдохлась эта проклятая машина! – жалуется Фитоняша. – И я не могу увидеться с Фотоняшей! Не могу! Не могу! Не могу! – стучит она каблуком.

– Хм, – поджимает губки Гот. – А что если я тебя нарисую? – предлагает он.

И инцидент исчерпывается. Слёзы высыхают. Все вздыхают с облегчением. Они спасены. Тишина обеспечена хотя бы на сутки.

– Не знаю. – По инерции куксится Фитоняша. – Можно попробовать, – соглашается она.

Ваза

Одной рукой девушка держит себя за голень, другой стаскивает каблук. Затем она спускает леггинсы и стягивает через голову топ. Пружинки волос взмываются вверх и снова выпадают на плечи, по цвету напоминающие спелую грушу в разрезе. Родинки – вместо косточек в сердцевине.

– Ложись на матрас, – командует Гот, но в его голосе нет ни намёка на похотливую игру или превосходство. Фитоняша уверена в себе и потому не смущается постороннего взгляда. – Меня можешь не стесняться. Художники, они... как врачи, – поясняет Гот. В его руке гибридная роза цвета бледной креветки. Её лепестки остры и угловаты, шипы содраны ногтем. – То есть их интересует только своё сугубо профессиональное дело. Вместо тела они видят сыпь или раковые пятна. Художники видят светотень и перспективу. Я же вижу эмоции и вообще побочные образы.

– Какую позу принимать, художник? – перебивает его Фитоняша.

– Ах, – опоминается Гот, – ложись на живот. Подбородок клади на ладонь и задирай его повыше. Сгибай колено, – придаёт ей нужную форму.

– Вот так? – сверяется Фитоняша.

– Нет, – отрицательно мотает головой Гот, подходя к «перине». Что-то ему не нравится. – Не то. Нужно больше глубины. Становись на колени. Щекой прижимайся к матрасу. Задирай свою пятую точку. Помещай в глаза усталое и высокое безразличие. Руку свешивай вниз. Сгибай дальнюю ногу, – диктует он, одобрительно хмыкает, после чего аккуратно вставляет стельку в её узенький анус.

– Уф, – насупливается натурщица.

– Вот. Теперь не шевелись, – предупреждает Гот, беря карандаш и блокнот.

Мягкий грифель скользит по бумаге. Идёт работа с линией. Траектория её фигуры извилиста и резка. Вскоре к наброску добавляются тени в нужных и ненужных местах.

Фитоняша чувствует, как что-то растекается в затылке. Кожа покрывается мурашками, как кардиган Гота катышками. Всё-таки осенняя прохлада в сочетании с отсутствующим отоплением выстуживает квартиру.

Фитоняша готова терпеть что угодно, лишь бы увидеться со своей ненаглядной идеальной девочкой. Фитоняша даже радуется, что многочасовой процесс растянут, как жвачка, потому что она боится не узнать своей любовницы на холсте. Фитоняша крепко уповает на надежду, что на рисунке она окажется живее её самой.

Вскоре Гот скрывается за мольбертом. Совершает размашистые движения. Фитоняша сгорает от любопытства. Ей ничего не видно. Зато она уже привыкла к инородному предмету, не замечает цветочного стержня у себя в заднице. Её даже не волнует тот факт, что её трахает ароматный цветок. Она словно обращена в каменную статую.

– Слушай, я хоть и гимнастка, но подобной йогой ещё не занималась, – ломается девушка, когда время переваливает за полночь. – И вообще, что за поза такая странная? – отдувается она, но замороженный Гот не реагирует на её нытьё.

Он полностью поглощён тем, что творится под его кистью. А под его кистью творится натюрморт.

Фитоняша подбирает с пола разбросанную одежду и, ёжась, натягивает её обратно. Она, шатаясь, подходит к Готу и знакомится с его картиной.

– Это нечто челюстноотвисное, – констатирует она.

На полотне далеко не правдивые пропорции, да и поза несколько ломаная. Внешность Фитоняши скопирована только в общих чертах. Мелочи и детали её личика, параметры фигуры не использованы.

– Зачем ты заставил меня пресмыкаться перед тобой с цветком в заднице, если картинка далека от оригинала? Ты мог бы и без дрожащего манекена намалевать это чудо, – обижается девушка.

– Да, у меня не реалистичные картины. И не академические рисунки, – соглашается Гот. Рёбра его ладоней в густо-розовой красе. – Я смешиваю кубизм с экспрессионизмом, – объясняет он. – Что касается твоего присутствия, то... Я нуждался в постоянной эмоции, которую испытывал, глядя на тебя. Я срисовывал не твоё тело, а свои чувства, вызванные тобой. Я, скажем так, видел ментальное отражение. И моя картина – это аллегория на эмоцию. Её визуализация.

– Хм. Занятно. И какая же это эмоция? – фыркает Фитоняша.

– А разве не видишь? – ровно уточняет парень с розовыми руками.

Танцовщица ещё раз обращается к плоскому изваянию и, пригнув брови, сверлит его глазами-дрелями.

– Эм... – чешет плечо. – Уставшее высокомерие. Аристократичное заточение. Какая-то безысходность и мольба, скрываемая гордостью, – как-бы читает она, захваченная чем-то, что правдивей зеркала. – Хоть запечатлена и девушка, возникает неприятное ощущение, что это изображение неживой природы. Что перед нами не человек, а вещь, – пугается она. Фитоняшу притягивает акриловый кадр. Она чувствует, что находит ниточки, ведущие к ней самой. – В то же время сквозит такая природная натуральная пошлость, – облизывает губы. Девчонка, похороненная внутри неё, раздвигает занавески сознания. – И стиль, стиль... – сбивчиво торопится она. – Он схож с моим танцем. Если бы Vogue было можно запечатлеть, то именно так.

– Верно. Твой танец и есть гибрид кубизма и экспрессии, – подхватывает Гот. – Мы воспринимаем жизнь одинаково, но по-разному её живём.

– Слушай, а как ты меня назвал? Ну, в смысле картину? – интересуется Фитоняша.

– «Ваза», – не задумываясь, отвечает Гот.

Самопитие

После Фитоняши Гот испытывает воодушевление и творческий подъём. В последней работе он акцентировался на «мёртвости» и поэтому не смог уделить достаточного внимания женской груди, которая сама по себе сюрреалистична и не нуждается в прикрасах, интерпретациях и маскировках.

Два дня Гот проводит около выпуклых покатых гор, под которыми зарыто сердце. Эти горы больше напоминают вулканы. Но наполнены они не лавой – молоком. Горячим, уже вытекающим из млечной поры и обливающим бежевую кожу. Но горы не простые и не золотые, а живые. У них есть рты. На каждой картине Гота есть раскрытый рот. И эти голодные отверстия требовательно тянутся к пище. Груды жадно сосут друг друга. Их жадность животная, дикая, необузданная. Они приподняты, вызывающе стиснуты и буквально разрешаются белой смесью.

Гот не планирует их обнажать, но Чмо всё-таки просачивается в его мастерскую.

– Божечки! Как это мерзко! – зажмуривается он.

Готу остаётся лишь томно вздохнуть:

– Лучше подскажи, как это обозвать: каннибализмом или самопитием? – советуется он.

– Не терзай меня выбором! – умоляет Чмо, но понимает, что должен откупиться за нежеланное проникновение. Бровь Гота неминуемо ползёт вверх, как бы подгоняя его: «Ну?». – «Каннибализм» более понятен и очевиден. А «Самопитие» больно внезапное и слоистое. Жуткое.

– Значит, «Самопитие», – довольно улыбается Гот. – Зрителя нужно удивлять, – умиротворённо бормочет он, хотя зрителей у него не больше двух штук.

Кака

Чмо идёт по следу, который ведёт его к новой форме. К безумному сочетанию. Чмо находится под влиянием футуризма. Он совмещает его с умильными диминутивами. Он щедро сыплет ими в строчки, строченьки, строчушки, строчишки.

– По щёчкам слёзки катятся,

Поэмушки горят,

И на стишочном кладбище

Коллекция гробят, – слушает его Матвейка. Чтобы мишуточке не было боиньки, Чмо укрывает его пледиком. Чмо в творческом экстазике. Ураганчик страстиюлички закручивает его, как плойка волосы. Ротик Чмо приоткрыт, словно он ждёт поцелуйчика.

Чмо подкупают тщеславные амбиции. Он уже представляет, как его признают первопроходцем. Ведь он действительно топает по тем местам, где не бывало пёрышко поэта.

– Упало сердце в пяточки,

Глазята на смартфончики,

Ротята улыбаюче

Прижаты к сладким пончикам.

Обычно лирика Чмо посвящена любви, но теперь он не гнушается и темы зависимости. Чмо понимает, что все мотивы уже излапаны, но ведь главное не что говорить, а как.

Чмо предвкушает восхищение, и оттого его дыхание спешит впереди паровоза, но он берёт себя в рученьки и входит к Готу.

Тот малюет омерзительную картинку, но Чмо только кривит личико. Гот что-то бормочет про самопитие, а Чмо подпевает ему про гробят.

– Как тебе? – дрожит Синьорово-Помидоровый голосок.

– Какая-то дичь, – сухо скупится на заслуженные комплименты Гот.

– Но ведь это так свежо и образно! – возмущается ангелочный парень.

– Всё это пережиток. Ты ведь бываешь в секунд-хенде и знаешь, что вещи отправляют в повторное употребление. Так и с содержанием твоей чепухи.

– Чепухи?! – в интонации Чмо застывшая обида. – Почему ты так жесток?! Почему ты так жесток, Гот?! – восклицает Чмо.

– Я правдив. И прям. Неужели этого достаточно, чтобы быть жестоким? – парирует.

– Ты мог бы быть мягче, – надувает щёчки.

– Прости. Не все такие сьюшные, как ты, – хмыкает Гот, поворачиваясь к млекоточащим грудям.

Чмо насуплен и разочарован. Неужели содержание главнее формы? Неужели его работы ничего не значат? Не имеют художественного веса? Чмо кажется, словно его надули. Вместо бриллиантов подложили стеклянные подделки. Безделушки. Всё, во что он верит, обесценивается. Христос не воскрешается. Бог не создаёт Адама и Еву. На Пароходе Современности не остаётся места. Для него.

– Понимаешь, просто обо всём уже сказали до меня, Гот. Вот мне и остаётся только какать. И получается одно говно, – печалится он.

– Хах. Какой меткий каламбур, – горько усмехается Гот.

- Что же мне делать? – хлопает ресницами кудрявый мальчик.
- Жить. Или помирать, – крайне конструктивно отвечает Гот.

Интерсекс

Фитоняша имеет личный иконостас, но нетрудно догадаться, чьи образа висят вместо Божией Матери с младенцем на руках. Фитоняша основополагает собственное религиозное течение. Она поклоняется своей возлюбленной. Целует её, прикасается лбом. Перед ней она исповедуется и молится. Размышляет о жизни вообще.

– Родная! Когда у твоего парня много любовниц, то каждая ночь, проведённая с ним в одной постели, превращается в интерсекс. Получается соотношение одного тела с другим. А мне не нужны эти оскорбительные сравнения. Интимные соревнования. Напрасные старания. Всё равно не переплюнуть обученных стриптизёрш и шлюх, усваивающих искусство минета. Но знаешь, – улыбается сквозь слёзы (светлая улыбка), – мне больше не больно. Я самодостаточна и сильна. Мне ни к чему лживые подонки. Потому что у меня есть ты.

После выговора девушка делает несколько простых связок, дабы развеяться, разгрузить мозги. Освободить сознание. Фитоняша включает песню Франсуазы Арди «Traume». Она переключается с её душевным состоянием, и руки, чуть согнутые в локтях, поднимаются вверх, и шея вращает голову, и движения её воздушны, как тревога.

Аватарка

Следующую неделю Гот работает над двумя полотнами. Первая картина называется «Тест Люшера», потому что в ней принимают участие всего двенадцать цветов: серый там, малиновый, синий. Зелёный. Коричневый. Красный. Жёлтый и чёрный есть.

Вторая, не менее концептуальная вещь, представляет собой автопортрет и носит название «Аватарка». Да, рот его разинут. Ничего удивительного. Проходите мимо.

Гот каждый вечер прогуливается под фонарями, бросающими по-медовому густо-жёлтый свет. Крошит ботинками сухие листья. Топчет сырую морду асфальта. Трогает глазами тучи, похожие на стаи крыс. Гладит их против шерсти.

Делает это он после того, как кончает раздавать листовки с рекламой уникального конца света. Лучшего. Неповторимого. Этот скромный бизнес приносит им то, на что можно обзавестись канцелярией, провизией. Конечно, иногда приходится погибать, но им нравится нищенствовать. Нравится подражать японцам. Богатая жизнь навеивает скуку. Как писал Шекспир, избыток вкуса убивает вкус. Им нравится бардак. Нравится одиночество. Социальный вакуум. Отрезанность. Не то чтобы их аскетизм намерен, но они не стремятся от него избавиться.

Гот присаживается на облупленную доску, висящую на цепях. Утыкает носки ботинок в вытоптаный кратер, толкается. Снова чешет крыс. Одна из них проткнута лунной запятой цвета клея ПВА. Другая рваная, как джинсы. Душа Гота напоминает джинсы. Гот готов закричать, но спокойствие городского вечера требует тишины. Гот мёрзнет, и его руки становятся цвета крысиных лапок. Гот зажимает рукава кардигана между ладонями и пальцами, но лапки не согреваются. Гот поднимается и шаркает к подъезду.

В квартире с повышенной эхолокацией правит безмолвие. Фитоняша теребит измученный клитор, Чмо царапает бумагу, будто она чешется. Гот ложится отдохнуть, но воспоминания настойчиво теребят его уставшие мозги. Гот поворачивается к «Аватарке», и его слегка отпускает. Теперь можно опустить ресницы, похожие на крысиные усики, и почти заснуть.

Боги

После того как Чмо справляется с разочарованием, он на время откладывает стихотворную мозаику и просто позволяет себе расслабиться без всякой генерации идей. Взглянуть на происходящее со сторонки. Ничего интересного. Просто кучка творческих беспризорников болтают ножками над пропастью пустоты. Они так, уважаемые никто. Потроха Бога в окружении Адамовых рёбер. Но всё-таки Бог состряпал их и отправил на Землю метким щелбаном под зад. Он создал их так же, как Чмо создаёт стихи.

Следовательно, Чмо тоже является Богом для своих стишат. Он такой же творец. И любая его поделка пусть и не идеальна, но единственна в своём роде. Чмо из ничего рождает образы. Как и Гот. Как и Фитоняша. Только средства их отличаются, но это неважная деталька. Вся штука в том, что они демиурги. Они Боги. Они Богема.

Чмо подскакивает к Матвейке и шепчет ему в ушко:

– Представляешь? Мы Боги! Мы самые натуральные Боги! И наши картинки, стихи, скульптурки, танцульки ничем не отличаются от Евы и Адама! Разве что они не умеют грешить. Они – наши рёбра. Наши впечатления и переживания. Наш опыт. Наши чувства и эмоции.

Чмо немного думает, а потом снова утыкается в бежевую шёрстку:

– Но если Бога соотносить с Богемой, то и его творения нужно приравнять к искусству. Это ведь элементарная пропорция! – восклицает он. – Понимаешь? Люди – произведения искусства! – Чмо впервые говорит ту фразу, которая подарит ему несколько дырок в живот.

Чмо хватается за бумажку, мятую, словно вытащенную из попы, и принимается писать. Он задумывает целый трактат с броским заголовком вроде «Люди как искусство» или:

«Произведения искусства среди нас».

Или:

«Планета Земля как музей изобразительных искусств».

Чмо целую неделю горбится над бумажками, мятыми, как из попы, и выдаёт сногшибательный результат.

Любовь без правил

Лучше бензина горят только девушки. Со стыда. За свои несовершенные фигуры. За неудачные попытки заняться сексом с тем, кого обожествляли.

Перед тем как стать педанткой в питании и перфекционисткой в тренировках, Фитоняша просто любила. Любовь её и сподвигла стать лучшей версией себя.

В Фитоняше до сих пор звучит эхо былых оскорблений. Издевательства. Насмешек. И эхолокация в её душе точнее, чем в комнате, чьи стены не оклеены обоями. В цветочек или в узор. Неважно. Фитоняше стыдно вспоминать, как её парень заставлял учиться у Жанны. Ставил в пример Лейлу. Говорил, что Ирина справляется с минетом лучше. Говорил:

«Ты недостаточно гибка».

Или:

«Ты слишком скованна».

Или:

«Ты не считаешь мои желания».

«Ты неподатлива. Неповоротлива. Мне не нравится, как у тебя собираются складки на животе. Меня удручает, что твоя спина вместо того чтобы прогибаться – округляется, как колесо»...

Целый коктейль претензий. Микс упрёков. Фитоняша постоянно напряжена, как на пижамной вечеринке, во время которой включён фильм ужасов, и ты невольно ожидаешь резкого возникновения силуэта в дверном проёме.

Фитоняша изнуряет себя растяжками. Фитоняша готова завязать своё тело в узел, лишь бы угодить любимому тирану.

– Хули ты опять морщишься, как овца, теста кусок размазанный?! – кричит её бойфренд, резко покидая её обожжённый болью анус. – Даже в задницу дать не способна!

Фитоняша живёт на пороховой бочке. Фитоняша слепнет. Больше она не верит зеркалу. Теперь она считает себя уродиной. Когда Фитоняшу бросают, она попадает в вакуум. Не понимает, откуда и почему берётся облегчение. Она убеждает себя, что страдает, потому что она должна страдать. Потому что она уяснила: бьёт, значит, любит. Больше её никто не любит. А как жить без регулярной любви? Без любви в живот. Без любви за волосы. Без любви в рёбра.

Несколько недель Фитоняша болтается по гостиницам, после – больницам. Всё, что у Фитоняши остаётся – это растянутое тело и музыка, музыка в голове. Мышцы помнят движения, какие помогают обрести уверенность. Крикнуть, мол, я не слабачка. Мол, гляди, я не растоптана. Я вознесена. Я боженственна. Я прекрасна.

Фитоняша остаётся с собой наедине и убеждает себя, что талантлива и сексуальна. Больше она не ввяжется в любовь без правил. Не позволит вымещать на себе гнев всяким придуркам, самоутверждаться за свой счёт. Не позволит касаться своего тела, ибо теперь это не тело, а оголённые провода. Осторожно. Могут шарахнуть током.

Фитоняша больше не доверяет ни одному мужчине. Она знает, что любые объятия – заурядная увертюра перед траханьем. Нет в них ничего нежного. Ничего интимного. Ничего исцеляющего.

Фитоняше комфортно внутри себя. Она замыкается, обращается вовнутрь. Внутри мирно и безмятежно. Так мирно, как на дне океана, на поверхности которого метровые волны, пронзённые мечами молний. Так безмятежно, как вате раковых клеток, давящей на мозг. Очень хорошо, в общем.

Крыса

Гот растирает по лицу защитный крем, увлажняющий кожу. Обрабатывает её поверхность тональником. Добивается мертвецкой бледности. Аккуратной кисточкой-спонжем растушёвывает тёмно-серые тени. Трёт губы друг о друга, распределяя чёрную помаду равномерно. В ушах болтаются кресты серёжек. Гот продевает руку в рукав атласной скользкой рубашки. Вставляет ноги в расклепанные брюки, точно карандаши в стаканы. В таком виде Гот идёт в школу – второй дом ученика. В школе классическая музыка вместо звонков и отзывчивый коллектив, который подвергает его буллингу. Со всех сторон доносятся шипящие насмешки:

– Что за индейский раскрас? Ты что, индеец?

– «Аватара» посмотрелся?

– Да он типа под рок-звезду косит, да?

Гот опозорен и осрамлён. Ему неловко находиться в классе. Приходится отмалчиваться и сидеть не отвечивать.

– Страшилок начитался? – с задней парты.

Когда все прутся в раздевалку переодеться на физкультуру, Гот собирается втихушку свалить, да не тут-то было. Его хватают за руки и ведут в зал. Ботинки не могут упереться в пол, сопротивляться бесполезно – напор настойчив и непоколебим.

В огромном кубе спортивного зала, не дождавшись команды «Смирно!» или «Равняйся!», закадычные друзья атакуют его баскетбольными мечами. Метят в лицо, чтобы попортить макияж или сломать нос. Гот пытается увернуться, выпячивает плечо, но без толку. Удар накаченной камеры горячей пульсациейогревает щеку. Шершавая коричневая поверхность мяча, расчерченная чёрными полосами, аккуратно вминается в переносицу и губит утренние старания. Гот пробует выскользнуть в коридор. Пробует побежать, точно солдат под обстрелом, но его окружает толпа шестнадцатилетних гогочущих дикарей.

– Целься ему в задницу!

– Это что, выродок сатаны? Ты что выёбываешься, педик?

Гот морщится от боли и стыда. Он с надеждой и страхом ждёт конца своего вынужденного выступления, но травля не стихает. Гота травят, как крысу.

Но вскоре пронзительная трель свистка заставляет преследователей оглянуться и растерять браваду. Взрослый дяденька командным голосом разгоняет ораву мелких грубиянов, тактично интересуется, всё ли в порядке. Гот только опускает голову и выскакивает за дверь, как пробка из бутылки шампанского. Как пуля из револьвера.

Гот растирает чёрные нитки слёз по горящим огнём щекам. Ему невыносимо стыдно. Хочется кричать, но стыд сжимает челюсти. Гот надеется забыть всё приключившееся, но понимает, что его обидчики вряд ли жалуются на память. Они ещё долго не забудут триумф превосходства. Они вдоволь насладились чужим унижением.

Больше Гот не пользуется помадой и прочей косметикой. Теперь он рисует исключительно на бумаге. «Художники, – решает он, – те же визажисты, только прихорашивают они альбомные листы».

Гот смиренно подчиняется системе и не выделяется из толпы, но его продолжают кликать педиком и при случае опускать пошлые шуточки на переменах. Гот мечтает стать таким же невидимым, как шпилька, запущенная в свадебную причёску. Гот мечтает ликвидироваться из жизни. Гот не любит просыпаться. Ему так паршиво, что хочется свернуть с дороги и прогулять уроки. Вообще прогулять жизнь. Его угнетают предстоящие будни. Судьба даёт ему грусть в аванс. Судьба даёт ему в аванс отчаяние. Гот знает, что этот аванс он отработает сполна и, более того, получит чаевые.

Гот упорно не берёт в толк, почему его избрали на роль козла отпущения. Чего им стоит колкое словечко, сохранённое в пасти? Неужели так необходимо измываться над его душой? Что они потеряют, не обозвав его малолетним трансвеститом? Что они обретут? Почему жестокие людишки упиваются посторонней болью? Их наслаждение намного мимолётней того крошечного мрака, в какой опускается Гот. Зачем, ну зачем гнобить того, кто и так надломлен? Кто и так обречён. Но, видимо, белые вороны созданы лишь затем, чтобы их заклёвывали чёрные сородичи. В средневековье рыжеволосых женщин считали ведьмами и сжигали их на кострах лишь потому, что отличались огненным цветом волос. Что ж, так устроен естественный отбор.

Отныне Гот молчалив, угрюм и застенчив. Зато он чётко уяснил, что открыться человеку сложнее, чем открыть Чупа-чупс.

Библиотека

Чмо натягивает мягкие растоптанные кеды, завязывает на бантик шнурки. Сгребает в охапку пачку замызганных листов и выбирается под небо цвета варёной говядины. Накрапывает дождик. Чмо подхвачен ветром вдохновения. Все его клеточки насыщены энтузиазмом вместо кислорода. Чмо готов без умолку трещать и выплёскивать всё то, что поместил в рукопись. Но он сдерживает поток восхищения в груди, унимает назойливую щекотку в нервах и смиренно чапает до здания библиотеки. Старого, но симпатичного и, главное, сухого внутри.

Чмо вовремя достигает книжной гробницы, любезно здоровается с женщиной сорока лет и просит разрешения воспользоваться компьютером. Садится за казённую машину, укладывает листы в хронологическом порядке и принимается стучать по клавиатуре. Пальцы Чмо не так проворны и ловки, как хотелось бы, так что приходится терпеливо ждать, пока они наткнутся на нужную букву. Чмо подозревает, что на набор текста понадобится не один час.

По окну, огранённому жалюзи, стекают змейки робкого дождя, и оттого в помещении уютно. Рабочая обстановка располагает к продуктивному труду. Постепенно Чмо ускоряется. Мимо него снова проносятся гениальные умозаключения.

«Жить, значит, заниматься искусством. Просто происходить, значит, заниматься искусством. Каждый человек прекрасен и уникален. Каждый является неповторимым шедевром главного Творца, Бога, – печатает Чмо. – Поэтому люди требуют к себе осторожного отношения, как и охраняемые в музеях скульптуры. К ним нельзя относиться с беззаботностью младенца. Нельзя позволять себе небрежные слова в адрес произведения искусства, так как они могут его уколоть, осквернить и деформировать. Каждый должен отдавать себе отчёт в том, как себя ведёт. Мы должны быть осмотрительней и осторожней в обращении друг с другом. Должны устанавливать жёсткий контроль в том, что говорим и как говорим. Нужно быть внимательней и тактичней», – печатает Чмо. – И любое насилие – вандализм. Всякий удар – вандализм. Ни одно произведение искусства не вправе калечить или уничтожать другое, ибо все они удивительны. И ни одно произведение искусства не бывает в двойном экземпляре. Жестокость – вандализм. Неучастие и безразличие – вандализм. Резкие упрёки и оскорбления – вандализм», – печатает Чмо.

Его пальчики не знают покоя. Чмо верит в то, что занимается благим, общественно полезным делом. В его работе есть практическая ценность, социальное значение. Это не просто стишки с деминутивами.

Чмо потягивает молочный коктейль со вкусом ванильного мороженого через узенький белый хоботок. Тонкая сладость наполняет ротик, но желудок всё равно посасывает голодок.

Чмо распечатывает текст своего многообещающего доклада и, удовлетворённый, медленно бредёт домой. Вдыхает сырой воздух, пахнувший ветром и гнильём. Небо перетекает в асфальтовый оттенок. Дождь унимается, но лужи, словно кровоподтёки, остаются на дорогах.

Драка

Стенки холодильника обклеены фотокарточками, словно школьный шкафчик. Ну, учебническая кабинка с металлической дверцей. Камера для хранения вещей. К каждой стене припилено несколько десятков снимков, на которых Фотоняша с распущенной гривой волос позирует анонимному оператору. На которых одни сочные, как клубника, губы Фитоняши. На которых одни фигурные руки Фитоняши. На которых одни полнокровные ноги Фитоняши с намёком на коричневый, как крем-гель с экстрактом какао, загар.

Девушка окружает себя собой. Девушка влюбляет себя в себя. Девушка бредит. Девушка доводит себя до паранойи. Девушка видит, как Гот срывает фотографию и рвёт её пополам...

– Ты что творишь?! – обезумев, вопит она.

– Это для твоего же блага, – степенно отвечает Гот, складывая части друг с другом, и разрывая их ещё раз. – Ты ведь уже помешалась на этих снимках.

– Не тронь! – кричит Фитоняша. Клокотание ярости стучит под кожей. От негодования всё её естество наливается острой потребностью вцепиться в лицо самовольного мерзавца и поставить обидчика на место. – Не смей трогать мою девочку! Ты, гнусный насильник! – срывается она и влепляет размашистую пощёчину.

Ладонь тюкает, но это только раздражает драчунью, и она с размаху царапает Гота от уха до носа. На его щеке розовеет царапина от ногтей, точно от миниатюрных граблей. Ошарашенный и несколько отрезвлённый, он прогоняет, должно быть, немой писк в ушах, бросает на пол растерзанную Фотоняшу и сжимает запястья Фитоняши. Крепко – белеет кожа.

– Даже не думай бить меня! – задыхается Гот, на что соперница только показывает язык и вырывается из клешней.

Бойко несётся в его мастерскую, впопыхах оглядывается по сторонам и нападает на кусок грунтованного картона, на котором лежит растёкшаяся боль. Фитоняша, как каратистка, разворачивается на одной ноге, второй со всей дури пинает боль. Каблук протыкает голову и заставляет картину скорчиться, согнуться пополам.

– Не порть мои эмоции! Не смей осквернять мою боль! – каркает Гот, мчась к месту происшествия. К месту ЧП. К месту убийства. – Я слишком дорожу своей болью! Кто тебе давал права её топтать?! – голос тонет в слезах.

– А тебе терзать мою любовь? – парирует Фитоняша.

Девушка издаёт что-то между всхлипом и звериным рёвом и вцепляется в волосы Гота. Сжимает его пакли между пальцами, тянет, желая вырвать. У бедняги голова мотыляется по всей окружности. Фитоняша прогибается в спине, дабы противник не мог лягнуть её ботинком в живот. Контролирует ситуацию. Не даёт этому говнюку выкрутиться. Действует быстро, словно всю жизнь занималась борьбой. Лупит остервенело, бьёт основанием ладони в переносицу. Жаждет проткнуть его пузыри глаз.

От каскада её ударов Гот сползает на пол и сдаётся. Просто сдаётся. Сворачивается в позу креветки, поджимает колени к груди, наивный.

– Больше не рви мне сердце! Не рви! Не рви! – таранит Фитоняша.

– Да успокойся, бешеная! Мы в расчёте! Сколько можно мстить? И так свернула шею моей боли! – сплёвывает поверженный.

– Твои каракули всего лишь каракули! А моя возлюбленная – единственное, что дорого и мило сердцу!

– Не обесценивай! – почти хнычет Гот.

От ненависти. Праведного гнева. Ещё чуть-чуть, и из каждого ока хлынет по водопаду.

В конце концов обессиливает и девушка. Опускается на корточки, упирается локтями в колени, скрещивает кисти рук. Немая сцена. По-другому не назовёшь. Слой тишиного

и вязкого воздуха пахнет ссорой. Возвращается Чмо. Улыбчивый мальчишка проходит в комнату, изумлённо таращится на вырванные клочья волос, на друзей, сидящих возле них, и спрашивает:

– Всё нормальненько? Что-то произошло? – мнётся его улыбка.

Гот поднимается. Хмуро указывает на пострадавшую картину.

– Вы поссорились? Подрались? – ахает мальчик.

Фитоняше хочется с жаром отстоять свою правоту. Объяснить, кто начал первым. Поделиться первопричиной. Но. Она молчит. Слишком саднит в груди. Стоит моргнуть, как выскакивает болезненный флешбек. Миловидная Фотоняша – разодрана в клочья.

– Что же вы как кошечка с собачкой? – как мама, отчитывает провинившихся Чмо. – Вы огорчаете меня. Расстраиваете...

– Не нагнетай, – вздыхает Гот.

– Вы просто не понимаете! Вы должны видеть в друг дружке произведения искусства! И любить друг дружку как братик и сестрёнка!

– С каких пор ты заделался в альтруисты? Может быть, мне ближе мизантропия? – Гот напускает на себя привычную невозмутимость.

– Ну вот что ты опять унываешь? Ты не улыбаешься, даже когда произносишь «сыр» на камеру. Так нельзя! Невозможно жить в постоянной сепии! – почти с пенкой у рта доказывает Чмо.

Затем следует лекция про божественно-богемную ахинею.

– Не утомляй, – фыркает Фитоняша.

– Вот вы не слушаете меня, а я покажу свои философские труды профессорам! И насилия станет меньше! – свято верит глупенький Чмо.

«Пусть верит, – позволяет Фитоняша. – Потом остынет, умерит аппетиты, разочаруется и замкнёт ротик на ключик. Так происходит всегда».

Задыхаясь в комнате, полной воздуха

Гот понуро скользит взглядом по разворошенной боли. Бордовый фонтан краски, бьющий из её рта, помят, сжёван. Даже как-то реставрировать и спасти картину не хочется – неприятно лишний раз обжигаться. Лучше запрятать обидный плевок в душу подальше и не замечать его. Игнорировать. Жить дальше. Так говорят в случаях, когда сожаление и тоска глодают тебя, словно косточку персика или сливы, или абрикоса. Но всё же Гот ассоциирует себя со сливой. Она больше похожа на синяк. На один из множества синяков, что покрывают его руки. Именно поэтому он таскает на себе растянутый и выцветший кардиган. Пусть никто не видит его сливовых гематом.

Готу паршиво. Гот съёживается на матрасе. Не получается даже почти заснуть. Он чувствует себя обманутым и кинутым. С теми людьми, с которыми он позволял себе расслабиться, отныне придётся держать оцарапанное ухо остро. Быть готовым залезть в панцирь. Забаррикадироваться хитиновым покровом. Стать непробиваемым. Стать отстёгнутым от реальности. Стать одиноким.

Ведь кому они нужны – друзья? И зачем они нужны? Чтобы переключать с больной головы на здоровую? Спасибо, Гот в этом больше не нуждается. Нет нужды оставаться в долгу. Гота не шибко прельщает мысль, что однажды с него спросят. Подсчитают на калькуляторе всё то, что он наговорил, сколько слёз оставил в жилетку, и потребуют взамен непосильную услугу. Или, ещё лучше, ударят в его Ахиллесову пяту. Вот будет потеха!

Впрочем, это предательство уже произошло. А ведь он поступил из благих намерений. Недаром возникла поговорка про дорогу в Ад.

Гот давится обидой. Захлёбывается жалостью к себе. Если бы Гот был чуточку импульсивней, то уже ушёл бы на улицу в неизвестном направлении. И неважно куда идти. Неважно где проливать слёзы и дышать на замёрзшие окоченевшие пальцы. Важно то, что он показал бы, как его задело безрассудное нападение. Девушке, которую он рисовал, дороже какие-то жалкие фотографии!

По телу разливается жар. Гот горячо всхлипывает и почти страдает.

На край матраса присаживается Чмо, но Гот не желает беседовать с ним. Он ещё не наревелся. Не выплакался. Он ещё не готов к разговору, потому что вместо слов одни эмоции, в которые, к тому же, никого не хочется посвящать. Это личное. Это сокровенное. Это что-то, принадлежащее только ему.

Теперь Гот понимает, почему дед насрал в коляску. Чтобы никто не уволок её, он занял её дерьмом. В детстве смеёшься, а, будучи взрослым, осознаёшь трагедию дедовой жизни. Сейчас Гот и сам готов насрать в свою душу, лишь бы отпугнуть всех участливых и небезразличных. Лишь бы никто не любовался собой за его счёт. Мол, поглядите, какой я хороший – утешаю несчастного. Очишаю карму. Тьфу. Противно. И вот он – этот небезразличный альтруист, сидит на краю матраса, глаза, как гвозди, вбивает в пол.

– Не огорчайся, – пищит.

– Смерть утопающих – дело рук самих утопающих, – сухо замечает Гот.

– Ты о чём? – вытаскивает гвозди Чмо.

– Да она же зависима от своих фотокарточек. Это нездорово. Я предложил помощь, а она накинулась на меня, как на заклятого врага. Что ж. Пожалуйста. Пусть и остаётся со своими нюдсами. Дальше роет себе могилку, – сквозь зубы цедит Гот.

– Не будь таким жестоким, – с укоризной встречает Чмо.

И это окончательно сжигает Гота. Неужели и кудрявый святоша оставляет его? Называет его – жертву – жестоким?

От несправедливости и небывалой наглости Гот задыхается и с шипением прогоняет Чмо:

– Убирайся! Убирайся! – прозрачные нитки слёз свешиваются из глаз и срываются на полосатую ткань.

– Прости... – лепечет, дабы сохранить репутацию миротворца.

– Вон! – не щадит его Гот, возводя вокруг себя стены обиды.

Пусть мучаются виной, пусть лезут к нему. Он останется неприступным. Гордым. Он останется угасать.

Подарок

Он – спящее произведение искусства. Он – кушающее произведение искусства. Он – какающее произведение искусства. Он – произведение искусства, идущие чёрт знает куда. Куда-то, если слушаться интуиции, где примут его трактат.

Глупый. Его трактат не примут нигде.

Чмо проникает в Институт чего-то и стучится в кабинет кого-то. Всё как в тумане. Ладони потные. Изнанку лижет холодный язычок волнения. Животик скручивается в узелок, который не в силах развязать даже Но-шпа. Чмо сглатывает слюнку и здороваётся, как прилежный ученик, коим он никогда не являлся. Его интеллектуальные способности кругленькие, как нолик. Чмо обрисовывает суть дела и презентует свои мысли.

– Милая гипотеза, – хмыкает представительный мужчина с аккуратным квадратиком чёрной бородки. Глаза его прячутся за прямоугольными стёклами очков. – Но эту гипотезу Вы никак не проверяете, молодой человек, – важно и как-то снисходительно констатирует он.

– То есть? – Чмо превращается в кубик льда.

– Во-первых, Ваша теория существует только в рамках креационизма, – попыхивает сухим кашлем.

– Чего? – морщится Чмо.

– Почему Вы считаете, что человека создал Бог? Почему не рассматриваете гипотезу внешнего вмешательства или теорию эволюции? Понимаете, ваши суждения несколько наивны, поскольку опираются на мифы. Нет, картинка, безусловно, красива – с этим я не спорю, но Вам не стоит претендовать на внимание. Более того, на что повлияет Ваша идея? Какое общественно полезное значение она имеет?

– Люди станут добрее друг к другу, – почти немеет Чмо.

– Ох, Вы меня и насмешили, ей-Богу! – трясётся собеседник. После передышки спрашивает. – Вот ещё что. Почему тогда произведения искусства болеют шизофренией? Почему произведения искусства бухают перед телевизором? Почему произведения искусства совершают суицид?

– Даже у Венеры, богини красоты, нет рук. Произведения искусства вправе быть несовершенными. Произведения искусства вправе болеть шизофренией.

– А убивать друг друга? – заинтересованно перебивает мужчина в очках.

– А вот это уже вандализм. Вскрывать себе вены – вандализм. Доводить до самоубийства – вандализм.

– Эх, нет Вам места в мире философии, – ставит диагноз.

– Но ведь таково моё мировоззрение! – возмущается Чмо.

– Вот и оставьте его при себе. Свободны. Можете идти, – машет рукой.

Чмо задирает носик, сжимает свои листочки и заявляет:

– А я всё равно буду пресекать насилие. Я буду пропагандировать свою идею. Нести её в массы. Вы ещё увидите! – обещает он.

– Ради бога. До свидания, – заключает невежда.

Чмо, громко топя, выходит из аудитории и выбегает на улицу. Небо чистое, как правда. Свежевыжатое. Любо-дорого глядеть в его лазурную плоскость. Чмо слегка отпускает. Просто ему придётся действовать иначе, избирать другие пути. Более рабочие. Он станет общественным активистом. Он помирится с Готом. Всё будет хорошо.

Несломленный, Чмо топает по рассечённой трещинами асфальтовой дорожке. По бокам озябший серый скверик. Ржавые качели. Заброшенные песочницы. Облупленные скамейки. Железный самолёт, упавший на одно крыло. Урны, подле которых валяются окурки и сухие салфетки. В этой мёртвой зоне Чмо замечает худую фигурку кота.

Тот сидит около мусорки, словно окурок. Глаза его окружают тёмно-жёлтые с коричневым корки. Чёрная шерсть пропитана пылью.

Чмо осторожно приближается к бродяжке, боясь его спугнуть, ведь если юркнет в сторону кустов – поминай как звали. А Чмо даже поминать будет нечего.

– Кс-кс-кс, – ласково зовёт он, протягивая фарфоровую руку.

Кошка робко тянет носом в надежде уловить запах колбасы или болони, но затем разочарованно ведёт ухом. Чмо приседает на колени и гладит находку по голове. Находка собирается увернуться и ускакать, но Чмо ловко хватает её под мышками. Поднимает чернушку, которая поджимает задние лапы, обретая форму калача. Укладывает её поудобней, сгребает драгоценные записи и с замиранием сердца движется домой. «Лишь бы не оцарапала, лишь бы не вырвалась», – молится Чмо.

Чмо уже представляет, как подарит Готу питомца, и тот отгадет. У него появится пушистый ласковый друг, которому он сможет открыться. Котик согреет его сердечко, сыграет терапевтическую службу, и парень больше не будет таким грустным и резким. Случайности не бывают случайными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.